

из. Малый театр

№6 - 11 апр. 1936

№6 (11).

ИЗ ПРОШЛОГО МАЛОГО ТЕАТРА

В. А. Макшеев

22 марта 1936 г. исполнилось 35 лет со дня смерти В. А. Макшеева, прожившего на сцене Малого театра двадцать семь лет (1874—1901 г.).

В одной альбомной записи Островский поминал добрым словом Московский артистический кружок за то, что он дал Малому театру Макшеева. Благодарность Островского понятна: Макшеев явился на смену П. Садовскому в репертуаре Гоголя, Сухово-Кобытина и самого Островского. Не обладая могучей кистью Садовского, он выписывал свои образы в той же благородной манере живого и тонкого реализма. Макшеев никогда не боролся с автором и никогда не сочинял за него и в этом он находил свою силу. Его городничий в «Ревизоре» весь был сделан по Гоголю: Макшеев сверял каждый свой штрих с штрихами Гоголя и пристально вглядывался в гоголевские пропорции образа. В итоге получалась фигура, насыщенная правдой, пронизанная сочным комизмом. Грубый солдафон, кулачных дел мастер — городничий высоко поднимал свое рыло и свой кулак над жизнью: он знал, что он не один на свете, а крепко упирается ногами в ту же почву, которую топчут такие же грубые солдафоны вплоть до верховного городничего в императорской короне. Гоголевскую основную мелодию Макшеев доводил до конца — до того конца, которого, вероятно, испугался бы сам Гоголь, но который был неоспорим по своей жизненной логичности. Макшеев писал мягкими красками, а образ выходил жесткий и жуткий, это был образ, созданный Гоголем — жестоким сатириком, а не Гоголем — снисходительным моралистом.

Макшеев — Подколесин («Женитьба») сочетал в себе глубоко комическую фигуру с психологически правдивым образом канцелярского Обломова в вицмундире и в то же время этот Подколесин был персонажем «совершенно-невероятного происшествия», стоящем на границе фантастики. Иными словами, Макшеев создал Подколесина не только в верных гоголевских тонах, но и в особом стиле, свойственном только этой комедии, с ее речевым и образным строем.

Макшеев при жизни Островского создал целый ряд образов в его новых пьесах: Дергачева («Последняя жертва»), Халымова («Сердце не камень»), Коблова («Невольницы»), Митаева («Таланты и поклонники»), Дудкина («Без вины виноватые»). Во всех этих ролях Макшеев радовал свежестью и чистотой рисунка. Но особенно ценно было его исполнение роли Ресположенского в комедии «Свои люди — сочтемся». Характерность образа, богатого тонкими деталями, делала его показательным для целой группы людей.

Непосредственный, живой комизм, свойственный Макшееву, позволил ему занимать и другое «вакантное место» Малого театра — играть некоторые роли бесподобного «колдуна смеха» В. И. Живокини. В маленьких комедиях и водевилях Макшеев давал зрителя здоровым, улыбочивым весельем. Со смертью Макшеева и Музиля эти комические эпилогические спектакли прекратились в Малом театре: с ними умер тот беззаботный смех — «внук» искрометного, лившегося потоками, живокининского смеха.

Вспоминая Макшеева, невольно и сердечно жалеешь, что он не с нами, грустно, что его не может увидеть новый зритель, пришедший в театр с революцией. Реализм и честный, умный смех Макшеева нужен нам, ищущим правды и простоты на сцене.

С. НИКОЛАЕВ.